

УДК 398.224(512.212)
DOI 10.25587/e3428-5800-1240-b

М. П. Дьяконова

Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН

МИФОЛОГИЧЕСКИЙ ОБРАЗ ЭПИЧЕСКОГО ГЕРОЯ ЭВЕНКОВ В СКАЗАНИИ О ЧИНАНАЕ

Аннотация. Статья посвящена мифологическому образу Чинаная – герою эпического цикла этнолокальной группы витимо-олекминских эвенков и имеет собственные признаки и типологически отличается от большинства сказаний фольклора эвенков. На основе теоретических трудов отечественных фольклористов, исследований тунгусоведения, посвященных образу эпического героя, а также фольклорных текстов о герое локального фольклора эвенков, предпринимается попытка раскрыть образ Чинаная через призму его функций. Тексты, служащие материалом исследования, отличаются небольшим объемом, в них практически отсутствуют художественные описания событий. Сказания также имеют нетрадиционную композиционную структуру, мотивы обладают этиологической функцией и т. д. Время, описываемое в эпосе, совпадает с периодом организации, устройства и усовершенствования мира. Двойственная природа мифологического образа Чинаная генетически исходит из мифологии и эволюционирует в эпического героя эвенков в образе культурного героя, первопредка. Вместе с тем, образ Чинаная характеризуется весьма нелицеприятными поступками, но при этом герой сохраняет черты культурного героя. Вероятно, возникнув в эпоху первобытного мифа, культурный герой становится центром циклизации и таких эпических форм, как животная сказка, бытовой анекдот, генеалогическая легенда и, наконец, героическое сказание. В них происходит не только прикрепление новых мотивов к сюжету о популярном герое, но и формируются новые сюжеты (выплоть до пародийного) о культурном герое путем трансформации и переосмысления сюжетов первобытных мифов. В результате анализа автор приходит к выводу о сложном генезисе образа, в котором воплощены черты первопредка, демиурга и трикстера.

Ключевые слова: эвенкийский фольклор; архаический эпос эвенков; нимнгакан, витимо-олекминские эвенки; цикл творения мира; мифологическое время; мифологический образ; культурный герой; Чинанай; эвенкийские мифы.

М. P. Dyakonova

Mythological image of the epic hero of the Evenkis in the tale of Chinanai

Abstract. The article is devoted to the mythological image of Chinanai – the hero of the epic cycle of the Vitim-Olyokminsk Evenkis ethnocultural group, which has its own characteristics and typologically differs from most of the legends in the Evenki folklore. On the basis of theoretical works of Russian folklorists, Tungus Studies devoted to the image of an epic hero, as well as folklore texts about the hero of local Evenki folklore, an attempt is made to reveal the image of Chinanai through the prism of his functions. A small volume of texts, where there are practically no artistic descriptions of events, the structural part is also not traditional, motifs have an etiological function, etc. Time coincides with the period of creation, arrangement and improvement of the world. The dual nature of the mythological image of Chinanai is genetically based on mythology and evolves into an epic hero of the Evenkis in the image of a cultural hero, an ancestor; at the same time, the image of Chinanai is characterized by very impartial actions, but at the same time, the hero retains the features of a cultural hero. Probably, having

ДЬЯКОНОВА Мария Петровна – к. филол. н., м. н. с. отдела северной филологии Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН, Якутск, Россия.

E-mail: dmp76@bk.ru

DYAKONOVA Maria Petrovna – Candidate of Philological Sciences, Junior Researcher of Northern Philology Department, Institute of Humanities Research and Indigenous Studies of the North, Russian Academy of Sciences, Siberian Branch, Yakutsk, Russia.

E-mail: dmp76@bk.ru

arisen in the era of the primitive myth, the cultural hero becomes the center of cyclization and such epic forms as the animal fairy tale, anecdote of everyday life, a genealogical legend and, finally, a heroic legend.

There is not only the attachment of new motifs to the plot of the popular hero, but also new plots about the cultural hero are formed through transformation and rethinking (up to parodic) plots of primitive myths. As a result of the analysis, the author comes to the conclusion about the complex genesis of the image, which embodies the features of the ancestor, demiurge and trickster.

Keywords: Evenki folklore; archaic epic of the Evenkis; *nimngakan*; Vitim-Olekminsk Evenkis; the cycle of creation of the world; mythological time; mythological image; cultural hero; Chinanai; Evenki myths.

Введение

Фольклор эвенков стал предметом исследования ученых с середины XX в. Труды исследователей фольклора эвенков – Г. М. Василевич [1; 2; 3], М. Г. Воскобойникова [4; 5], А. Н. Мыреевой [6; 7], Г. И. Варламовой [8; 9] в настоящее время стали классическими в фонде современной фольклористики народов Севера.

Мифология, как система архаических представлений, является генетической основой эпического жанра. Эта специфика особенно отчетливо проявляется в эпических текстах о культурных героях – героях-первопредках [10; 11]. Главное содержание текстов эпоса архаической формы, характерного для бесписьменных этносов, составляет описание о деяниях богатырей на благо общинно-родовых коллективов. В архаическом эпосе формируются собственные типы героев, типовые сюжетные темы и соответствующий им фонд мотивов, типовые представления о мире, пространстве и времени [12, с. 456–457]. Тезисы теоретических исследований, посвященные эпосу архаической формы, в полной мере характеризуют эпос эвенков.

Основываясь на теоретических разработках Е. М. Мелетинского, в статье предпринимается попытка анализа архаического образа Чинаная – героя эпического цикла этнолокальной группы витимо-олекминских эвенков. Предметом исследования является функциональная специфика эпического образа. Данная работа призвана дополнить исследования Г. И. Варламовой [8, с. 63–64; 13, с. 65] и А. Н. Варламова [14; 15, с. 56–65], посвященные образу названного эпического героя.

Специфика рассматриваемого эпического цикла проявляется в отчетливом присутствии и преобладании архаических признаков. Эта типологическая специфика эпического жанра северных тунгусов обозначена в исследовании Ж. К. Лебедевой, которая, рассматривая генезис эвенского эпоса, выдвигает тезис о структуре эпического текста эвенков, представляющего собой сплав элементов мифа, архаической волшебной сказки и собственно эпоса [16, с. 19].

Сюжеты эпического цикла о Чинане отличаются от большинства эвенкийских сказаний: тексты о Чинане не содержат широко распространенный сюжет и связанные с ним мотивы об одиноком герое; в них отсутствует героическая идеализация – главные герои не совершают героических подвигов, не сражаются с враждебными богатырями, т. е. не выступают защитниками родины и этноса; в текстах о Чинане наблюдается отчетливое жанровое смешение и преобладание мифологических мотивов.

Таким образом, сказания о Чинане имеют собственные уникальные признаки, не характерные для большинства эвенкийских сказаний.

Материалы и исследования

Материалом исследования послужили тексты эпического цикла о Чинане и братьях, широко распространенного в среде эвенков витимо-олекминской группы. Границы бытования сказаний определены водоразделами рек Олёкмы, Чары и Витима. Данные повествования передаются в двух формах – как эпос и как мифологическое предание. Отметим, что повествования о Чинане в форме мифологических преданий в настоящее время контаминированы в единый цикл о Чинане, что, вероятно, связано с исчезновением традиции эпического сказительства в эвенкийском фольклоре.

Сказание «Чинанайше – превопредок эвенков» было записано Г. И. Варламовой в 1988 г. в с. Усть-Нюкжа Амурской области от сказительницы Анны Васильевны Абрамовой (Павловой), род Нгангаир, и опубликовано приложением в работе «Эпические и обрядовые жанры эвен-

кийского фольклора» [8, с. 184–238]. Эпический цикл о Чинанае состоит из трех частей. Главным героем первой части цикла является первопредок Чинанай, вторая часть цикла повествует о сыне и внуках первопредка, третья – о его братьях – Сиктэнэе, Дёлоное, которые являются предками других народов [9, с. 17–73]. Отметим, что другие известные эпические тексты эвенков были записаны от шаманки М. П. Кульбертиновой [8, с. 177], а также от представителей сказителей рода Бута [17].

Объем текстов сказаний о Чинанае небольшой, в отличие от большинства текстов эпоса восточных эвенков, не содержит богатого художественного описания событий. В зафиксированных текстах о Чинанае отсутствует такая типологическая структурная часть как зачин, обозначаемый эвенками «корнем нимнгакана» [8, с. 81]. В этой связи, исследователи фольклора отмечают, что записанные варианты текстов о Чинанае и братьях, вероятно, являются отрывками большого цикла сказаний, который исследователям не удалось зафиксировать в полном объеме [8, с. 176–177]. Это мнение подтверждается сходством образов и мотивов, встречающихся в других сказаниях эвенков рассматриваемой этнолокальной группы. Так, в сказании о Торгане, записанном в том же регионе от сказительницы А. П. Авеловой, основа сюжета, имена и запевы главных героев сходны со сказанием о Сиктэнэе [9, с. 74–85].

Образ персонажа Чинаная был рассмотрен в работах Г. И. Варламовой, которая подробно охарактеризовала образ Чинаная как культурного героя: «Первые дела и поступки героев нимнгакана соотносятся с образами творцов, свойственны им черты создателей и демиургов. Они первыми изобретают необходимых человеку предметов, обрядов и других норм обычного права. Герою Чинаная приписываются черты создателя объектов природы, а также некоторых особенностей животных: делает реку, физиологические особенности медведя, изюбра, он первый создатель эвенкийского конусообразного жилища-дюкча» [8, с. 65].

Цикл сказания о Чинанае и братьях, как отражение раннего этапа эволюции человеческого общества, проанализирован А. Н. Варламовым. Автор полагает, что образ героя, сюжет и характерные детали содержат в себе наиболее древний пласт фольклорных сведений, относящихся к древним этапам истории человеческого общества [15, с. 60]. Исследователь выдвигает мнение о том, что эпический цикл мог отражать информацию о древней эпохе развития человеческого общества на территории Сибири, соотносимой с поздним палеолитом или ранним неолитом [15, с. 65].

Мифологическая эпоха в сказании о Чинанае

В архаическом эпосе эпическая эпоха соответствует понятию мифологического времени – категории, свойственной мифологическому сознанию и получающему реализацию в мифах, ритуалах, а также обращенных формах – в различных стадиях фольклора. Это время трактуется как время первосоздания и упорядочения мира, человеческого общества с его социумом, появления жизненно необходимых предметов, норм отношений, время деяний первопредков (культурных героев) [12, с. 46].

Эвенки определяли исторический ход своей жизни тремя важными и главными периодами, которым соответствует и фольклорное время: 1) очень древний – *нимуакан биңэжин* ‘во времена нимнгакана’; 2) период войн и расселений – *Булэмэжит: чаңитыл, дептыгирыл бидеңкитын* ‘время убийств (войн): чангитов и людоедов время’; 3) формирование современных групп эвенков – *Эвэски* ‘ближе к нам’ [8, с. 21]. В рамках настоящего исследования важен наиболее древний период, соотносимый со временем сотворения и усовершенствования мира. Мифологическая эпоха в сказаниях эвенков была рассмотрена в работах Г. И. Варламовой [8, с. 21–24], М. П. Дьяконовой [18; 19]. Г. И. Варламова при исследовании жанровой специфики эвенкийского фольклора уточняет, что *период нимнгакана* – это мифологически отдаленное время, «когда все было не так, как сейчас» [8, с. 26]. Сказание о Чинанае по жанру определяется как *нимнгакан*, т. е., соответственно эвенкийской классификации фольклорных эпох, он относится к древнему мифологическому периоду истории этноса.

Мифологическая эпоха – это эпоха превопредметов и перводействий, первых предметов, ритуалов и обрядов и т. д. [20, с. 155]. События, происходящие в сказании о Чинанае, относятся к мифологической эпохе первотворения. Следует отметить, что в композиционной структуре цикла сказаний о Чинанае отсутствует элемент, в основе которого состоит миф о

первотворении, превратившийся в типологический зачин большинства эпических текстов эвенков [7, с. 82]. В рассматриваемом нами тексте о Чинанае – мифологическая тема первотворения реализована в самом сюжете о Чинанае – в основном содержании текста: герой учреждает для потомков правила поведения, связанные с хозяйственными и мировоззренческими традициями эвенков, и усовершенствует окружающий мир.

Мотивы, составляющие сюжет о Чинанае, обладают этиологической функцией, чем максимально сближаются типологически с функцией мифа, временами, когда создавались перво-предметы. Деяниями и поступками эпического героя эвенков объясняются физические свойства тех или иных животных: *Иктэючивки, тадук элэ эткэндэлэ / Кумакаду мукамукин багдаргача. / Багдарин мукамукин тадук оча. / Тар Чинанаиндя тэвъялинэн, / Тар Чинанаиндя иктэнэн* [8, с. 186]. 'Сильно ударил, с тех пор до нашего времени / У изюбря задница побелела. / Белая задница у него стала оттого. / То Чинанаища шлепок' [8, с. 187].

Время, отраженное в сюжете сказаний о Чинанае, отчетливо выражено в мотиве оживления жены героя, а именно, в договоре с вороном, когда Чинанай просит ворона оживить жену в обмен на уважительное отношение и выделение части добычи в далеком будущем, «когда настоящими людьми, эвенками станем» [9, с. 58].

Как видим, время, в котором живет герой эпического повествования, совпадает со временем мифа – периода организации, устройства и усовершенствования мира.

Чинанай как культурный герой

Культурный герой в устном народном творчестве – это мифологический персонаж, который добывает огонь и впервые создает для людей различные предметы культуры (культурные растения, орудия труда) [21, с. 656]. Он тесно связан с мифологией и является главной фигурой в архаическом фольклоре. Основная функция его деятельности – создавать блага для людей-потомков. Е. М. Мелетинский, рассматривая природу культурного героя в фольклоре архаического общества, выдвигает тезис о том, что первоначально в образе культурного героя доминировали черты первопредка родового, фратриального, племенного и вместе с тем общечеловеческого, поскольку границы человечества и племени практически совпадали в сознании людей первобытнообщинного строя. Восприятие культурного героя как первопредка переплетается с представлением о нём как о демиурге [10, с. 28–29].

Тезисы, выдвинутые Е. М. Мелетинским, в полной мере находят подтверждение в образе эпического героя эвенков. Чинанай предстает в образе первопредка – он создает предметы быта, узаконивает традиции и обычаи, усовершенствует природу, придает особенности животным, т. е. выступает как культурный герой эвенков [15, с. 56–65]. Сказание о Чинанае предваряет вступление, в котором три брата определяются предками людей, этносов: *Тарил бээл мит тэ-кэхэлты бичэл. / Самай иекэхэлты, тадук бээл олчалты* [9, с. 17]. 'Эти люди нашими предками (досл.: нашими корнями) были, / Самые древние, от них людьми стали [мы]' [9, с. 44]. Анализируя образ культурного героя, Е. М. Мелетинский подчеркивает, что культурный герой – не бог и в большинстве случаев не является объектом религиозного культа [10, с. 29]. Образ Чинаная, совмеща в себе черты первопредка и демиурга, не получает в сказании дальнейшего развития в сторону обожествления, не связан с теми или иными религиозными культами и традициями, **оставшись** в коллективном сознании исключительно культурным героем. Непосредственно, в мифологии эвенков культурный герой нередко становится культовым образом (медведью), либо эволюционирует, приобретая статус божества (Сэвэки) [18].

Вероятно, образ Чинаная в коллективном сознании народа из героя мифологии эволюционирует в эпического героя эвенков в образе культурного героя, первопредка.

Чинанай, как первопредок, учреждает правила и нормы поведения. Это касается хозяйственных традиций, например, как упоминалось выше, устанавливает правила для потомков по отношению к ворону: *Тыкэн бидерэкин, сор дэгитчэрэн. / – Кулук! Кулук! Едянны? / – Оликун, – гунывки, – он ахиви аичилдиуав? / – Би бэгэс илаллаканду эмудяв, – гунывки. / – Си-кэ минэвэ эдук этэнны дяргара? / Бээмил минэ дяргавкил, иневкил: / «Оюктос коксочо», – гуинэл. / – Си минэ тыкэн этэнны дяргара? / – Э! Этэм, этэм! Эмукэл-нюн. / Эдук этэдиуэвун тыкэ гунде-мил. / Бээл оми, бэюрэ варакупун, / Дэбурвэвун дебдиуэс эдук дюлэски* [8, с. 210]. 'Когда он так сидел там, ворон летит. / – Кулук! Кулук! Что делаешь? / – Воронище, – говорит, – как мне жену

оживить? / – Я лекарство тебе за три дня принесу, – говорит тот. / – А ты меня теперь больше не станешь дразнить? / Людишки меня дразнят, смеются надо мной: / «Нос твой крив», – говоря. / Ты меня так не будешь дразнить? – Э! Нет, нет! Принеси только. / С этих пор мы перестанем так говорить. / Людьями настоящими став, лосей убьем когда, / Остатки с подстилки для свежевания зверя есть будешь впредь» [8, с. 211].

Как отмечает этнограф А. А. Сирина, в мировоззрении тунгусов появление ворона считается просто хорошим предзнаменованием. Конечно же, охотники понимали связь между поведением ворона, человека-охотника и добычей. Ворон знает, когда человек собирается на охоту, издает особые звуки и летит в определенном направлении. Охотник считает, что это хороший знак, и следует за птицей, встречает зверя, а потом делится добытым с вороном [22, с. 56–57].

Другая традиция, заложенная Чинанаем, – традиция эвенкийского обряда *Улганни*, которая соблюдается эвенками и в настоящее время [15, с. 61]. Обряд привязывания отрезков материи в дар духам местности и верховным божествам содержит в себе различные функции, направленные на сохранение здоровья, получение промысловой и жизненной удачи [8, с. 136]. *Улганни* представляет собой обрядовую форму действий-обращений, во время которых отрезки материи привязываются к деревьям. По содержанию сказания о Чинане, эту традицию первым вводит архаический герой эвенкийского эпоса: *Чинанайкун туксадявки, туксадявки-и-и. / Эдылчэ, ирэкэтэл «Ки-и-к, ки-и-к, ки-и-к» / Некэливкил эдынду. Тара гукуттэн: / – Э, нындюяра, союдодеро, товарилба гэлэдерэ. / Сирилки, сирилки, ирэкэтэду локочивки. / Локочивки, тадук-кэ дюлаи үнэвки* [8, с. 188]. «Чинанайше бежит, бежи-и-и-и-т. / Ветер задул, деревья “ки-и-к, ки-и-к, ки-и-к” / Делают от ветра. На это он сказанул: / – Э, стонут, плачут, материю просят. / Рвет на полоски, рвет на полоски, на деревья вешает. / Вешает, потом домой идет» [8, с. 189].

Чинанай как культурный герой совершенствует окружающий мир – придает особенности животным и даже создает реку – это один из основных концептов эвенкийского мировоззрения: *Хурувки тар ирэкэткунмэ урутчана тыкэмэл. / Элэ тар ирэкэтэжин хоктово овки, / Тар хоктоли му зеньлилки – саңа бира овки. / О, де биракунма ом, гуннэ, уручивки, хэгэвки: / – Болор, болор! / Чинанайкун бихим, / Болор, болор! / Биракунма ом! – гуннэ. / Часоки үнэхиньки, удялин биракан энделивки. / Тар биракан иду-кэ бихин, гэбин эчэв сара. / «Эр бираканма Чинанайкун оча, ирэкэткунмэ урутчана, / Чинанайкун эвэнки тэкэнын бираканма оча», – гуныукитын. / Кэ, үнэхиньки, үнэдевки. Нян биракунма ихивки* [8, с. 200]. «Ну вот рассердился, большое дерево вырывает, / Волочет его за собой, реку переходя. / Так и идет, это дерево за собой волоча. / Дерево за собой целую дорогу оставляет, / По дороге той вода течет – новая река получается. / О, реку огромную сотворил, думая, радуясь, припевает: / – Болор, болор! / Я есть Чинанайше, / Болор, болор! / Реку огромную сделал я, – поет. / Совсем в другую сторону идет, а по следу его река / течь начинает. / Речка эта где-то здесь есть, названия не знаю. / «Эту речку Чинанайше сделал, большое дерево за собой волоча, / Эвенков корень Чинанай реку сделал», говорили в старину» [8, с. 201].

Чинанай выступает демиургом, создавая предметы быта: *Чинанай ирэкэтэвэ копколивки, су-кэтти лосканкутча. / Сот аят ирэкэтэдук улмарва, лоскалва оча* [8, с. 190]. «Чинанай дерева кусок отдирает, топором ложки делает. / Очень хорошо из дерева поварешки, ложки сделал» [8, с. 191].

Таким образом, в образе эпического Чинаная проявляются отчетливые черты культурного героя, демиурга. Культурный герой, представляющий мифологическое обобщение человеческого родоплеменного коллектива и его творческой деятельности, является древнейшим героем фольклора [10, с. 31].

Мифологические черты трикстера

Образ эпического Чинаная имеет специфические черты комического героя. Рассмотрим природу этой стороны образа Чинаная. По сюжету герой сказания представлен недалеким умом от рождения, его называют как Чинанай-*ауаликун* – Чинанай глупец большой. Он не понимает переносных значений эвенкийских оборотов речи и из-за этого постоянно попадает в нелепые, комичные ситуации: пытается поставить чум посреди реки; вместо ягод собирает все, что попадает под руку; нелепо убивает свою мать или дитя своей тети; сдирает камусы (мех с нижней суставной части ног) оленей или лошадей: *Бирава ихивки, элэ гунывки: / – Эе, он-кана мурирби?*

/ Унталвар уладиуатын эчэ. / Лукикта унталватын. / Тыкэн гуннэ, охалбатын хигивки. / Муририн бувкил. Тадук элэ нууан / Серауилва гэннэвки бирала, / Мулэ инэ, муду иливкачивки. / Му серауилван хурувки, / Тариуилби нан гэннэвки [8, с. 182]. 'Реки достигает, вот говорит: / – Эё, как же мои лошади-то? / Унты свои намочат ведь. / Сниму я унты их. / Так говоря, камусы сдирает. / Лошади его сдыхают. Затем вот он / Жерди приносит в реку, / В воду войдя ставить начинает. / Вода жерди его уносит, / За ними он опять идет' [8, с. 183].

Образ Чинаная характеризуется весьма нелицеприятными поступками, но при этом герой сохраняет черты культурного героя. В этой связи, принципиальный интерес представляет исследование эволюции и развития культурного героя в трудах Е. М. Мелетинского. Согласно его концепции, возникнув на лоне первобытного мифа, культурный герой становится центром циклизации и таких эпических форм, как животная сказка, бытовой анекдот, генеалогическая легенда и, наконец, героическое сказание. Здесь происходит не только прикрепление новых мотивов к сюжету о популярном герое, но и формируются новые сюжеты (вплоть до пародийного) о культурном герое путём трансформации и переосмысления сюжетов первобытных мифов. В рамках многожанрового цикла древний мифологический образ получает двойственную разработку: «героическую и комическую. <...> с другой стороны, создается сложный образ героя, действующего как мифологический демиург, то как богатырь, то как плут-трюкач» [10, с. 32–33].

Как видим, теоретические положения Е. М. Мелетинского о возникновении первобытного плута-трикстера из образа культурного героя идеально воплощаются в образе эпического героя эвенков. Е. М. Мелетинский объясняет это явление тем, что озорство мифологического плута служит своего рода «отдушиной» в мире строгой религиозной и социальной регламентации первобытно-общинного строя. Критика поступков героя воспринимается «легальной» именно потому, что деяния культурного героя прикреплялись к временам, предшествовавшим установлению строгого порядка. Этим и объясняется возможность совпадения в одном образе демиурга и плута-трюкача [8, с. 32].

Эпический образ Чинаная

Семантика имени собственного, его индивидуализация отражена и сконцентрирована в имени эпического героя и непосредственно связана с мифологическими воззрениями. Полное фольклорное имя Чинаная – *Чинанайкун – эвэнки тэкэнинын*, что переводится как «Чинанаише – первопредок эвенков» [23, с. 315–316]. Сам Чинанай и его братья, согласно тексту сказания, являются предками людей: *Тарил тэкэхэлты бичэл. Самай тэкэхэлты, тадук бэел очал* 'Те корнями нашими были. Самые настоящие корни наши, оттуда люди пошли' [9, с. 16].

Внешний вид у Чинаная значительно отличается от типологической внешности героя эвенкийского эпоса – Чинанай не является воплощением идеала человека-эвенка: *Секурин сусулгачин, / Ехакурин эргэчикун! / Амжакурин хэгдыке, / Ехакурин тэриптыкуки, / Ехакурин угискэки...* 'Уши его заострены, / Глазищи выпуклы! / Ртище огромное, / Глазищи косят, / Глазищи навывкат...' [9, с. 53–54]. А. Н. Варламов связывает образ эпического Чинаная с описанием человека ранней ступени развития. Этимологию имени Чинанай исследователь объясняет происхождением от слова *чинака*, т. е. «искривление, согнутая спина человека, человек с согнутой спиной» [15, с. 58]. В образе эпических героев локальной группы эвенков просматриваются черты человека ранних стадий эволюционного развития: «Возможно, в цикле сказаний о трех братьях сохранились сведения об эпохе сосуществования представителей различных ветвей человеческого рода. Старшие братья (Делоной и Сиктэнэй), вероятно, символизируют представителей рода *Homo sapiens* в то время, как Чинанай, по его описанию в сказании, походит на архантропа или, вероятнее всего, на неандертальца», – подытоживает исследователь [15, с. 60].

Заключение

Эпический цикл сказаний о Чинане, несомненно, относится к архаическому типу мифологических повествований о первопредках – культурных героях и сложен на почве социальных отношений и мировоззренческих традиций древнего общества. Главным идейным содержанием цикла является деятельность Чинаная как первопредка эвенков. Тексты эпического цикла о Чинане представляют локальные традиции, в которых сформирован собственный образ героя, уникальные сюжетные темы и соответствующий фонд мотивов. Композиционная структура

сказание соответствует архаичному типу эпоса, сближающего его с традициями мифологического жанра. В текстах о Чинанае отсутствует типологический зачин, а вводная часть представлена мифологическими мотивами. Основу сюжета сказаний составляет повествование о деяниях культурного героя, преобразующего окружающий мир, создающего различные перво-предметы и устанавливающего важные этнические традиции. В отличие от текстов мифа, культурный герой локального фольклора не эволюционирует в божество-творца, а его развитие идет по иной схеме развития образа – он приобретает черты трикстера.

Литература

1. Василевич Г. М. Ранние представления о мире у эвенков // Труды Института этнографии. – 1959. – Т. 51. – С. 157–192. (На эвенкийском и рус. яз.)
2. Исторический фольклор эвенков. Сказания и предания / сост. Г. М. Василевич. – Ленинград : Наука, 1966. – 400 с. (На эвенкийском и рус. яз.)
3. Материалы по эвенкийскому (тунгусскому) фольклору / сост. Г. М. Василевич. – Ленинград : Изд-во Ин-та народов Севера ЦИК СССР им. П. Г. Смидовича, 1936. – 290 с. (На эвенкийском и рус. яз.)
4. Воскобойников М. Г. О космогонических преданиях эвенков // Язык и фольклор народов Севера. – Новосибирск : Наука, 1981. – С. 221–228.
5. Фольклор эвенков Прибайкалья / М. Г. Воскобойников. – Улан-Удэ : Бурятское кн. изд-во, 1967. – 184 с.
6. Фольклор эвенков Якутии / сост. А. В. Романова, А. Н. Мыреева. – Ленинград : Наука, 1971. – 330 с.
7. Эвенкийские героические сказания / сост. А. Н. Мыреева. – Новосибирск : Наука, 1990. – 392 с. – (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока). (На эвенкийском и рус. яз.)
8. Варламова Г. И. Эпические и обрядовые жанры эвенкийского фольклора. – Новосибирск : Наука, 2002. – 376 с.
9. Сказания восточных эвенков / сост. Г. И. Варламова, А. Н. Варламов. – Якутск : Изд-во СО РАН, 2004. – 235 с. (На эвенкийском и рус. яз.)
10. Мелетинский Е. М. Происхождение героического эпоса. Ранние формы и архаические памятники. – Москва : Изд-во вост. лит-ры, 1963. – 464 с.
11. Мелетинский Е. М. Первобытное наследие в архаических эпосах // Материалы VII международного конгресса антропологических и этнографических наук. – Москва : Наука, 1964. – С. 12.
12. Восточнославянский фольклор. Словарь научной и народной терминологии / отв. ред. К. П. Кабашников. – Минск : Наука и техника, 1993. – 480 с.
13. Варламова Г. И. Эпические традиции в эвенкийском фольклоре. – Якутск : Северовед, 1996. – 134 с.
14. Варламов А. Н. Повествование о Чинанае как этнонимические или этнические предания эвенков // Эвенкийский этнос в начале третьего тысячелетия : сб. науч. тр. / под ред. Г. В. Быковой, Г. И. Варламовой. – Благовещенск : Изд-во БГПУ, 2008. – Вып. 2. – С. 155–163.
15. Варламов А. Н. Специфика историзма в фольклоре эвенков / под ред. Г. И. Варламовой. – Санкт-Петербург : Лань, 2018. – 308 с.
16. Лебедева Ж. К. Архаический эпос эвенков. – Новосибирск : Наука, 1981. – 158 с.
17. Яковлева М. П. Специфика эвенкийских героических сказаний в творчестве сказителей рода Бута. – Воронеж : ООО «КОВЧЕГ», 2018. – 164 с.
18. Дьяконова М. П. Миф в фольклоре эвенков и эвенов (Цикл творения мира) : автореф. дис. ... к. филол. н. – Махачкала, 2016. – 17 с.
19. Дьяконова М. П. Мифологическая эпоха в героических сказаниях эвенков и эвенов // Известия Дагестанского педагогического университета. Общественные науки. – 2017. – № 3. – С. 45–51.
20. Мелетинский Е. М. Поэтика мифа. – Москва : Академический проект: Мир, 2012. – 331 с.
21. Мифология : энциклопедия / гл. ред. Е. М. Мелетинский. – Москва : Дрофа, 2008. – 736 с.
22. Сирина А. А. Птицы в жизни охотников-оленьеводов (эвенков и эвенов) // Народы и культуры Северной Азии в контексте научного наследия Г. М. Василевич : сб. науч. ст. / отв. ред. Л. И. Миссонова. – Якутск : ИГиИГМНС СО РАН, 2020. – С. 58–61.
23. Варламова Г. И., Варламов А. Н., Захарова Н. Е., Яковлева М. П. Имена собственные персонажей эвенкийского эпоса : словарь-указатель. – Новосибирск : Наука, 2019. – 349 с.

References

1. Vasilevich G. M. Early ideas about the world among the Evenkis. *Proceedings of the Institute of Ethnography*. 1959, vol. 51, pp. 157–192. (In Evenki and Russ.)
2. Historical folklore of the Evenkis. Legends and traditions. Comp. G. M. Vasilevich. Leningrad, Nauka Publ., 1966, 400 p. (In Evenki and Russ.)
3. Materials on Evenki (Tungus) folklore. Comp. G. M. Vasilevich. Leningrad, Publ. House of the P. G. Smidovich Institute of the Peoples of the North of the Central Executive Committee of the USSR, 1936, 290 p. (In Evenki and Russ.)
4. Voskoboinikov M. G. On the cosmogonic legends of the Evenkis. In: *Language and folklore of the peoples of the North*. Novosibirsk, Nauka Publ., 1981, pp. 221–228. (In Russ.)
5. Folklore of the Evenkis of the Baikal region. M. G. Voskoboinikov. Ulan-Ude, Buryat Book Publ. House, 1967, 184 p. (In Russ.)
6. Folklore of the Evenkis of Yakutia. Comp. A. V. Romanova, A. N. Myreeva. Leningrad, Nauka Publ., 1971, 330 p. (In Evenki and Russ.)
7. Evenki heroic legends. Comp. A. N. Myreeva. Novosibirsk, Nauka Publ., 1990, 392 p. (Monuments of folklore of the peoples of Siberia and the Far East). (In Evenki and Russ.)
8. Varlamova G. I. Epic and ritual genres of Evenki folklore. Novosibirsk, Nauka Publ., 2002, 376 p. (In Russ.)
9. Tales of the Eastern Evenkis. Comp. G. I. Varlamov, A. N. Varlamov. Yakutsk, Publ. House of the SB RAS, 2004, 235 p. (In Evenki and Russ.)
10. Meletinsky E. M. The origin of the heroic epic. Early forms and archaic monuments. Moscow, Oriental literature Publ., 1963, 464 p. (In Russ.)
11. Meletinsky E. M. Primitive heritage in archaic epics. In: *Materials of the 7th International Congress of anthropological and ethnographic sciences*. Moscow, Nauka Publ., 1964, p. 12. (In Russ.)
12. East Slavic folklore. Dictionary of scientific and folk terminology. Ed. K. P. Kabashnikov. Minsk, Nauka i tekhnika Publ., 1993, 480 p. (In Russ.)
13. Varlamova G. I. Epic traditions in Evenki folklore. Yakutsk, Severoved Publ., 1996, 134 p. (In Russ.)
14. Varlamov A. N. The narrative about Chinanai as ethnonymic or ethnic legends of the Evenkis. In: *Evenki ethnos at the beginning of the third millennium: collection of scientific works*. Ed. G. V. Bykova, G. I. Varlamova. Blagoveshchensk, BSPU Publ. House, 2008, iss. 2, pp. 155–163. (In Russ.)
15. Varlamov A. N. The specificity of historicism in Evenki folklore. Ed. G. I. Varlamova. Saint Petersburg, Lan' Publ., 2018, 308 p. (In Russ.)
16. Lebedeva Zh. K. Archaic epic of the Evens. Novosibirsk, Nauka Publ., 1981, 158 p. (In Russ.)
17. Yakovleva M. P. Specificity of Evenki heroic legends in the creativity of epic tellers of the Buta clan. Voronezh, LLC "ARK" Publ., 2018, 164 p. (In Russ.)
18. Dyakonova M. P. Myth in the Evenkis and Evens folklore (The cycle of the creation of the world). Abstract of the dissertation of Candidate of Philological Sciences. Makhachkala, 2016, 17 p. (In Russ.)
19. Dyakonova M. P. Mythological era in the heroic legends of the Evenkis and Evens. *News of the Dagestan Pedagogical University. Social Sciences*. 2017, no. 3, pp. 45–51. (In Russ.)
20. Meletinsky E. M. The poetics of myth. Moscow, Academic project: Mir Publ., 2012, 331 p. (In Russ.)
21. Mythology: encyclopedia. Ch. ed. E. M. Meletinsky. Moscow, Drofa Publ., 2008, 736 p. (In Russ.)
22. Sirina A. A. Birds in the life of hunters-reindeer herders (Evenkis and Evens). In: *Peoples and cultures of North Asia in the context of the scientific heritage of G. M. Vasilevich: collection of scientific articles*. Ed. L. I. Missonova. Yakutsk, IHRISN SB RAS Publ., 2020, pp. 58–61. (In Russ.)
23. Varlamova G. I., Varlamov A. N., Zakharova N. E., Yakovleva M. P. The proper names of the characters of the Evenki epic: an index dictionary. Novosibirsk, Nauka Publ., 2019, 349 p. (In Russ.)